

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503794>

УДК 81'1+81'27

Савицкая Е.В.

Савицкая Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия, 443099, г. Самара, ул. Максима Горького, 65/67. E-mail: lampasha90@mail.ru.

Вербальный язык как средство формирования мысли

Аннотация. В статье анализируется роль вербального языка в процессе мышления. Вопрос рассматривается в семиотическом и психолингвистическом аспектах. Показывается, что вербальный язык служит отнюдь не только для передачи готовой мысли другим людям в ходе общения, но прежде всего для формирования мысли в голове индивида. Делается вывод: коммуникативная функция не является единственной и даже, возможно, самой главной функцией языка. Приводятся аргументы в пользу того, что владение вербальным языком и его применение в мыслительном процессе делает мышление полноценным, поднимая его над уровнем зачаточного невербального предметно-наглядного мышления, присущего высшим животным.

Ключевые слова: языковое / неязыковое мышление, вербальный язык, первичная моделирующая система, предметно-схемный / универсально-изобразительный код, мыслеформирующая функция языка

Savitskaya E.V.

Savitskaya Ekaterina Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education, Russia, 443099, Samara, 65/67 Maxim Gorki Street. E-mail: lampasha90@mail.ru.

Verbal language as an instrument of thought formation

Abstract. The article contains analysis of verbal language role in the process of thinking. The issue is considered in semiotic and psycholinguistic aspects. It is shown that verbal language is used not only for transmitting ready-made thoughts to other people in the course of communication, but first of all for forming thought in an individual's head. The conclusion is drawn: communication is not the only function and even, perhaps, not the predominant function of verbal language. Arguments are offered in favor of the view that command of a verbal language and its application in thinking gives thinking its full value, raising it above the level of the rudimentary non-verbal visual-image thinking inherent in higher animals.

Key words: verbal / non-verbal thinking, verbal language, primary modelling system, sensory code, thought-forming function of a language.

В трудах по лингвистике, психолингвистике, психологии речи, семиотике широко применяется понятие 'языковое мышление'. Ставятся вопросы о мере и характере участия вербального языка в мыслительном процессе. Однако ответы на них существенно различаются в зависимости от воззрений исследователей. В настоящей статье излагается наше понимание данной проблемы, выработанное с

учетом достижений отечественных и зарубежных ученых и направленное на устранение некоторых противоречий, существующих в этой сфере.

Понятие 'языковое мышление' подразумевает существование понятия 'неязыковое мышление'. Возможность мыслить без использования словесного языка долгое время обсуждалась в рамках полемики между представителями логического

и психологического направлений в языкознании. В настоящее время эта проблема рассматривается в двух аспектах.

Первый аспект этой проблемы лежит в плоскости семиотики культуры. Сторонники западных постмодернистских течений (Р. Барт, Ж. Деррида, У.Эко, Ж. Бодрийяр, М. Фуко и др.) и представители Тартуско-московской школы (Ю.М. Лотман, Вяч. Вс. Иванов, Б.М. Гаспаров, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский и др.) показали, что культуру можно представить как систему кодов, а вербальный язык – как один из этих кодов. В рамках культуры существуют невербальные коды, которые, наряду с вербальным, служат основой мышления:

- Работник физического труда целенаправленно и осмысленно совершает сложные серии ручных операций на основе предметно-наглядного мышления, не прибегая к его переводу на вербальный код.

- Таксист мысленно строит маршрут до места назначения, руководствуясь имеющейся у него в голове визуальной (несловесной) схемой города, причем эта схема представляет собой не карту, а совокупность сенсорных образов.

- Боксер на ринге предугадывает действия противника и выстраивает тактику боя, не облакая эти ментальные действия в слова (этого не позволяет темп боя).

- Скульптор мыслит пространственными формами, живописец и архитектор – еще и цветовыми гаммами, а композитор – нотными структурами в рамках музыкального семиозиса (см. о нем: [9]).

- Так называемый человек-счетчик мгновенно производит в уме головоломные арифметические действия, не вербализуя их (при такой скорости счета он просто не успевал бы выражать их словами).

Примеров невербального мышления можно привести еще немало.

«Человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, – отметил Ч. Моррис. – Человеческий разум неотделим от функционирования знаков, а возможно, и вообще интеллект следует

отождествить именно с функционированием знаков» [13, с. 45]. К этому следует добавить, что используемые знаки – далеко не только словесные. Но словесный язык – главная знаковая система. Лишь на первый взгляд может показаться, что он теряется в богатом спектре знаковых средств культуры, которыми располагает мышление. Более пристальный взгляд позволяет убедиться в его главенстве.

В этой связи следует обратиться к понятию ‘первичная моделирующая система’, которое в семиотике культуры относится к естественным языкам. Среди знаковых систем, конституирующих культуру, естественный язык первичен в том смысле, что на его основе в онтогенезе речи формируется ментальность. Личность человека «запрограммирована» прежде всего родным словесным языком; им же структурирована картина мира, им задано рациональное и эмоциональное отношение субъектов к явлениям окружающего мира, в нем заключен опыт поколений, он навязывает своим носителям паттерны поведения в социокультурной среде.

Остальные знаковые системы, которыми пользуются люди, основаны на вербальном языке и носят вспомогательный характер. Когда, например, зодчий проектирует храм, его пространственное мышление руководствуется религиозной концепцией мироустройства, существующей в словесной форме. Рабочий, совершая трудовые операции за станком, осознаёт социальную цель и смысл своих действий, и это понимание тоже базируется на вербальном мышлении. Отдельные акты неязыкового мышления, по большому счету, опираются на мышление языковое.

Таков первый аспект проблемы соотношения языкового и неязыкового

мышления. Второй ее аспект лежит в плоскости психолингвистики. Вопрос состоит в том, в какой мере и каким образом словесный язык участвует в возникновении, формировании и развертывании мысли.

Исходя из утверждений о нетождественности мышления и словесной речи,

обязательности знакового оформления мышления, возможности мыслить на невербальной основе, психологи, семиологи, логики и лингвисты поставили вопрос о том, в какой знаковой форме протекает мышление. Эту проблематику в нашей стране разрабатывали Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, А.Н. и А.А. Леонтьевы, Н.И. Жинкин, И.Н. Горелов, И.А. Зимняя и др., а за рубежом – Н. Хомский, Р. Джекендофф, Дж. Фодор, Дж. Катц, Ч. Филлмор, Р. Ван-Валин, У. Фоли, Дж. Миллер и др.

Со своих позиций этим вопросом занимались и представители психоанализа (З. Фрейд, К.Г. Юнг, Э. Фромм, О. Ранк и др.). Они считали, что сенсорные образы, являющиеся человеку во сне и измененных состояниях сознания, составляют своего рода невербальный «язык», и подходили к сновидениям как к текстам на этом «языке».

Руководствуясь аналогичными соображениями, но имея в виду обычное состояние сознания, Н.И. Жинкин [7] ввел понятие предметно-схемного (предметно-изобразительного) кода, под которым он имел в виду несловесную знаковую систему; ее единицы – сенсорные образы, имеющие тот или иной смысл. На базе этого кода осуществляется мышление «в чистом виде», еще не вербализованное, не развернутое в знаковую цепь, носящее нелинейный, объемный характер, но уже не свободное от определенной знаковой формы.

«То, что в мысли содержится симультанно, то в речи развертывается сукцессивно», – отметил Л.С. Выготский, имея в виду нелинейный, объемный характер мышления в противовес линейному характеру речи. Он сравнил мысль с нависшим облаком, которое проливается дождем слов [4, с. 46].

Словесную форму мышление обретает по мере перехода от личного предметно-изобразительного кода субъекта к общенародному словесному языку. Такой переход нужен, во-первых, потому, что результаты мышления должны передаваться другим людям, а во-вторых, потому, что словес-

ный язык – самая богатая и сложная знаковая система – обслуживает мышление полнее и,

как правило, качественнее, чем другие знаковые системы.

Мышление на предметно-изобразительном коде – это лишь начальный этап оформления мысли. Между таким мышлением и внешней (словесной) речью, объективированной с помощью произносимых звуков или графических знаков, находится внутренняя речь, представляющая собой смесь сенсорных образов и вербальных единиц, свернутая и редуцированная по сравнению с внешней речью. Согласно одному из положений отечественной теории речевой деятельности, во внутренней речи осуществляется логическое формирование и вербальное формулирование мысли, и эти процессы тесно переплетены.

«В речи мы формулируем мысль, но, формулируя ее, мы сплошь и рядом ее формируем», – указал С.Л. Рубинштейн [17, с. 395]. Поясняя этот тезис, он отметил: «Мысль зарождается ... в виде тенденций, сначала имеющих лишь несколько ... опорных точек, еще не вполне оформившихся. От этой мысли, которая еще больше тенденция и процесс, чем ... оформившееся образование, переход к мысли, оформленной в слове, совершается в результате очень сложной ... работы. В процессе речевого оформления мысли работа над речевой формой и работа над мыслью, которая в ней оформляется, взаимно переходят друг в друга. В самой мысли в момент ее зарождения в сознании индивида часто переживание ее смысла для ... индивида преобладает над оформленным значением ... Сформулировать свою мысль, т.е. выразить ее через обобщенные безличные значения языка, ... означает как бы перевести ее в новый план объективного знания и, соотнеся свою ... личную мысль с фиксированными в языке формами общественной мысли, прийти к осознанию объективированного значения» [17, с. 396].

В процессе формирования и формулирования мысли в голове человека осуществляется серия кодовых переходов от мысли к внешней речи. Это непростой, иногда творческий процесс. Обычный человек думает и говорит главным образом по шаблону, выработанному поколениями предшественников, а творец создает новые вербальные формы выражения мысли. Это творчество получило название *муки слова*.

Содержание духовного мира человека богато и многогранно, и попытки передать его с помощью словесной речи не всегда удачны. В ряде случаев происходит частичная потеря и искажение информации. Об этом писали поэты. В частности, потерю информации упомянул А.А. Фет [19]:

Как беден наш язык: хочу и не могу!
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди
Прозрачною волною!
Об искажении информации говорил

Ф.И. Тютчев [18]:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

Н.И. Жинкин полагал, что интеллект «не понимает речи». В процессе отражения реальности интеллект создает логические понятия, суждения и умозаключения. Логическое мышление, по мнению Н.И. Жинкина, не зависит от конкретного этноязыка. «Противопоставленность дискретных кодов языка языкам интеллекта, – писал он, – породила смешанный код – внутреннюю речь, которую нужно рассматривать как универсальный предметный код, ставший посредником не только между языком и интеллектом, ... но и между национальными языками» [6, с. 18]. Он указал, что внутренняя речь «не обладает набором стандартных грамматических правил и алфавитом лексики ... В ней могут появиться ... пространственные схемы, наглядные представления, отголоски интонации, отдельные слова и т.п.» [6, с. 18].

Чисто мыслительный, несловесный (предметно-схемный) код переходит в

смешанный (универсально-предметный) код, совмещающий сенсорные образы и слова, а затем – в собственно словесный код. Н.И. Жинкин трактовал универсально-предметный код как «стык речи и интеллекта». Во внутренней речи на базе применения этого кода совершается перевод индивидуальной мысли на общенародный язык. По Жинкину, универсально-предметный код, в отличие от предметно-схемного, един для всех людей, благодаря чему возможен перевод с одних языков на другие и взаимопонимание в глобальном масштабе. Это логический «язык» (код) мысли.

Однако у нас имеются основания полагать, что единый для всех людей код мысли существует лишь в сфере общечеловеческих логических законов, на основе которых эмпирическое мышление адекватно отражает причинно-следственные и другие важные связи между явлениями бытия, обеспечивая успешность предметно-практической деятельности. Но даже в этой сфере Л. Леви-Брюль [10] обнаружил коренные различия в логике мышления у цивилизованных народов (носителей рационалистического сознания) и у экзотических народов (носителей мифологического сознания). Тем более различно оно в других сферах (культурной, общественной, индивидуальной).

Согласно современным представлениям, переход от мысли к речи осуществляется по следующей схеме: мотив → оформление мысли → мысль → опосредование мысли во внутреннем слове → внутренняя речь → опосредование в значениях внешних слов → семантический план → переход от семантического к словесному синтаксису → внешняя речь [8, с. 214]; [10, с. 46].

Приведем ряд свидетельств, касающихся роли языка и речи в рождении человеческой мысли (выделено мной – *Е.С.*): «Мысль не выражается, а совершается в слове» (Л.С. Выготский [4, с. 46]). «Речь включается в процесс **формирования** мышления» (С.Л. Рубинштейн [2015: 396]). «Что такое язык? Это способ не

только выразить, ... но и **творить** свои мысли» (А.Н. Толстой; цит. по: [21, с. 317]). Как видим, по мнению вышеупомянутых авторов, с помощью языка мысль не только транслируется в готовом виде; с его помощью она прежде всего **создается**.

Ошибкой было бы полагать, что мысль полностью творится средствами

дословесного ментального кода и лишь после этого с большей или меньшей точностью переводится на общенародный словесный язык. Индивидуальный предметно-схемный код вне связи с этноязыком не располагает достаточным ресурсом для того, чтобы создавать полноценную человеческую мысль, о чем свидетельствует, в частности, опыт детей-«маугли», выросших в стае зверей и оторванных от культурной и языковой среды. Без вербального языка их психическое развитие остается на животном уровне [15, с. 121-124]. Человек как микрокосм социума и культуры «закодирован» словесным языком до самых глубин своего психического естества.

Уже на ранних этапах рождения мысли в голове человека в дело вступает словесный язык. В этой связи уместно напомнить приводившийся выше тезис С.Л. Рубинштейна о том, что, вербально формулируя мысль, мы формируем ее. Как известно, человек – существо общественное (по Аристотелю [1], *zoon politikon*); его мышление, согласно гипотезе лингвистической относительности, определяется его родным языком. Человек мыслит и воспринимает мир так, как предписывает ему его этнокультура через этноязык.

Если рассмотреть этнокультуру в прескриптивно-регулятивном аспекте, а именно как комплекс коллективных жизненных установок, обуславливающих определенный этнический стереотип поведения, то можно убедиться, что эти установки передаются из поколения в поколение главным образом в онтогенезе речи, в процессе усвоения единиц родного языка в привязке к этнокультуре.

Например, резко отрицательное отношение коллектива к предательству его

интересов усваивается ребенком при семантизации слов, входящих в соответствующее лексическое поле: *предатель, изменник, отступник, ренегат, веролом, переметчик, клятвопреступник, христопродавец, сума переметная, продажная шкура, стукач, доносчик, иуда, каин* и др. Все они обладают негативным оценочным ореолом, состоящим из сем ‘презренный’, ‘коварный’, ‘враждебный’ (хотя не все вышеперечисленные слова имеют стилистически сниженную окраску). Еще до того, как столкнуться с предательством в своей жизни, ребенок через язык получает культурные предписания: предательством следует возмущаться, предателей – презирать и по возможности карать, а самому ни в коем случае не совершать предательства. Так – через языковое обеспечение культурных сценариев – формируются установки и в целом личность в лоне этнокультуры.

Если придерживаться точки зрения, согласно которой субъект сначала полностью формирует мысль на своем индивидуальном довербальном ментальном коде и лишь затем перекодирует ее на общенародный вербальный язык с целью ее передачи другим индивидам, то получится, что ментальность индивидуума по своим возможностям моделирования действительности равна совокупному разуму всего культурно-языкового коллектива. В таком случае вербальный язык нужен субъекту только как средство сообщения уже готовой мысли, т.е. для выполнения лишь коммуникативной, но не мыслеформирующей функции. Такому взгляду противостоит, во-первых, гипотеза Сепира – Уорфа, согласно которой общенародный язык диктует индивиду взгляд на мир, а во-вторых, лингвокультурология, убедительно доказывающая, что концепты, выработанные народом в его историческом развитии, являются средствами, с помощью которых индивид воспринимает действительность, мыслит и создает свою модель мира.

Согласно философской формулировке К. Маркса [13], сущность человека (а в психологической трактовке С.Л. Рубин-

штейна [16] – личность человека) есть совокупность общественных отношений. Человек представляет собой микрокосм, пребывающий в космосе лингвосоциокультуры. По Дж. Донну [5], человек – не остров; он – часть материка. По У. Блейку [2], человек – то «зерно песка», в котором отражается «огромный мир». Подобно тому, как каждая биологическая клетка содержит генетический код всего организма, каждая личность содержит культурный код всего этноса.

Экстремальным проявлением слияния единичного с общим является автоматический конформизм – душевное состояние, в котором, по Э. Фромму, «человек перестает быть самим собой, полностью усваивает тот тип личности, который ему предлагают модели культуры, и полностью становится таким, как другие, и каким они его ожидают увидеть» [20, с. 159]. Такому человеку только кажется, что он рождает собственные мысли; на самом деле он воспроизводит чужие (расхожие) мысли, принимая их за свои. Он как бы «растворён» в социокультуре, не привнося в нее ничего нового.

Речь на каждом языке регламентируется нормой и узусом, которые определяют выбор слов и их сочетаемость при порождении речи. Тем самым язык, образно говоря, «зашоривает» мышление своих рядовых взрослых носителей, не склонных к креативности, направляя их мышление в стандартное русло, тогда как дети, пока еще слабо знакомые с нормой и узусом языка, в онтогенезе речи проявляют креативность в области словотворчества, а также выбора и сочетаемости слов. Но по мере освоения нормы и узуса языка они начинают говорить (а значит, и мыслить) стандартно, как и взрослые.

Людям, подверженным автоматическому конформизму, противостоят люди неконформного склада, умеющие видеть предмет мысли сквозь призму своих, а не чужих мнений. Они способны ломать сложившиеся стереотипы и продвигать познание вперед. При этом они иногда создают новые языковые средства для новых мыс-

лей. Они не только рабы языка, но и в какой-то мере его хозяева. («Мой царь! Мой раб! Родной язык!» – писал в этой связи В.Я. Брюсов [3].) Это наблюдается в научном дискурсе, в котором беспрерывно создаются новые, ранее небывалые терминологические слова и словосочетания, отражающие всё новые и новые взгляды на мир, и в поэтическом дискурсе с его окказиональными словами, а также словосочетаниями, в которых нарушается норма лексической сочетаемости и таким путем передается индивидуально-авторское, нестандартное видение мира. Но, разумеется, и ученые, и художники слова не полностью выходят из рамок языка и культуры – иначе они утратили бы контакт и взаимопонимание с людьми.

Люди располагаются на разных делениях шкалы конформизма / неконформизма мышления.

В завершение суммируем положения, касающиеся участия вербального языка в формировании мысли.

- Даже то мышление, которое осуществляется с помощью невербальных кодов, в своей глубинной основе опирается на вербальный язык.

- На базе довербального (предметно-схемного) кода акт мышления лишь начинается; в основном же он совершается на базе вербального языка, привносящего в мышление социальный и культурный, то есть собственно человеческий компонент, исторически надстроенный над зачаточным невербальным предметно-наглядным мышлением животных.

- Индивидуум в значительной мере мыслит теми паттернами, которые заложены в него культурой через вербальный язык.

Такова, по нашим представлениям, основанным на достижениях психолингвистики и лингвосемиотики, роль вербального языка в мыслительном процессе. Отсюда следует, что язык – это далеко не только «важнейшее средство человеческого общения», как охарактеризовал его В.И. Ленин [11, с. 289]. Вербальный язык прежде всего – средство формирования мысли.

Мысль сначала создается с помощью языка (это его мыслемоформирующая функция), затем передается в объективированной форме другим людям (коммуникативная функция языка), воспринимается и понимается собеседниками (перцептивно-интерпретативная функция языка). Таким

образом, на современной стадии развития цивилизации роль вербального языка как средства формирования мышления оказывается, по крайней мере, не менее важной, а возможно, и более важной, чем его роль как средства обеспечения общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения. В 4-х тт. Том 4. М.: Мысль, 1983. С. 376-644.
2. Блейк У. Песни невинности и опыта. М.: Северо-Запад, 1993. 271 с.
3. Брюсов В.Я. Родной язык // В.Я. Брюсов. Избранное. М.: Книжный клуб, 2019. 703 с.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования. М.: Национальное образование, 2016. 368 с.
5. Донн Дж. Молитвы по возникающим поводам: Размышление XVII // Дж. Донн. Стихотворения и поэмы М.: Эксмо, 2011. 480 с.
6. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.
7. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. Избранные труды. М.: Лабиринт, 1998. 368 с.
8. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: изд-во Российского гуманитарного ун-та, 2007. 560 с.
9. Капичина Е.А. Семиозисное мышление в музыке как проблема философского дискурса // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия философия. 2015. № 1. С. 137-143.
10. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. Коллективные представления в сознании первобытных людей и их мистический характер. М.: Красанд, 2012. 340 с.
11. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. 5-е изд. Том 25. М.: Госполитиздат, 1969. С. 255-320.
12. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Едиториал URSS, 2020. 312 с.
13. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Том 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 1-6.
14. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика: Антология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45-97.
15. Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.
16. Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Вопросы психологии. 1983. № 2. С. 9-25.
17. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2015. 705 с.
18. Тютчев Ф.И. Silentium // Ф.И. Тютчев. Стихотворения. М.: Профиздат, 2015. 288 с.
19. Фет А.А. Как беден наш язык! ... // А.А. Фет. Стихотворения. М.: Эксмо, 2017. 384 с.
20. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989. 272 с.
21. Черкасова Л.Н., Попова Е.В. Подготовка к сочинению на ОГЭ. М.: Эксмо, 2018. 336 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Aristotel'. Politika // Aristotel'. Sochinenija. V 4-h tt. Tom 4. M.: Mysl', 1983. S. 376-644.
2. Blejk U. Pesni nevinnosti i opyta. M.: Severo-Zapad, 1993. 271 s.
3. Brjusov V.Ja. Rodnoj jazyk // V.Ja. Brjusov. Izbrannoe. M.: Knizhnyj klub, 2019. 703 s.
4. Vygotskij L.S. Myshlenie i rech'. Psihologicheskie issledovanija. M.: Nacional'noe obrazovanie, 2016.368 s.
5. Donn Dzh. Molitvy po vznikajushhim povodam: Razmyshlenie XVII // Dzh. Donn. Stihotvorenija i pojemy M.: Jeksmo, 2011. 480 s.
6. Zhinkin N.I. Rech' kak provodnik informacii. M.: Nauka, 1982. 159 s.

7. Zhinkin N.I. Jazyk. Rech'. Tvorchestvo. Izbrannye trudy. M.: Labirint, 1998. 368 s.
8. Zalevskaja A.A. Vvedenie v psiholingvistiku. M.: izd-vo Rossijskogo gumanitarnogo un-ta, 2007. 560 s.
9. Kapichina E.A. Semiozisnoe myshlenie v muzyke kak problema filosofskogo diskursa // Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Serija filosofija. 2015. № 1. S. 137-143.
10. Levi-Brjul' L. Pervobytnoe myshlenie. Kollektivnye predstavlenija v soznanii pervobytnyh ljudej i ih misticheskij harakter. M.: Krasand, 2012. 340 s.
11. Lenin V.I. O prave nacij na samoopredelenie // V.I. Lenin. Poln. sobr.
12. soch. 5-e izd. Tom 25. M.: Gospolitizdat, 1969. S. 255-320.
13. Leont'ev A.A. Psiholingvisticheskie edinicy i porozhdenie rechevogo vyskazyvanija. M.: Editorial URSS, 2020. 312 s.
14. Marks K. Tezisy o Fejlerbahe // K. Marks, F. Jengel's. Sochinenija. 2-e izd. Tom 3. M.: Gospolitizdat, 1955. S. 1-6.
15. Morris Ch. Osnovaniya teorii znakov // Semiotika: Antologija. M.: Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaja kniga, 2001. S. 45-97.
16. Palmer Dzh., Palmer L. Jevoljucionnaja psihologija. Sekrety povedenija Homo sapiens. SPb.: Prajm-EVROZNAK, 2003. 384 s.
17. Rubinshtejn S.L. Problemy psihologii v trudah Karla Marksa // Voprosy psihologii. 1983. № 2.S.9-25.
18. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshhej psihologii. SPb.: Piter, 2015. 705 s.
19. Tjutchev F.I. Silentium // F.I. Tjutchev. Stihotvorenija. M.: Profizdat, 2015. 288 s.
20. Fet A.A. Kak beden nash jazyk! ... // A.A. Fet. Stihotvorenija. M.: Jeksmo, 2017. 384 s.
21. Fromm Je. Begstvo ot svobody. M.: Progress, 1989. 272 s.
22. Cherkasova L.N., Popova E.V. Podgotovka k sochineniju na OGJe. M.: Jeksmo, 2018. 336 s.

Поступила в редакцию 01.08.2021.

Принята к публикации 04.08.2021.

Для цитирования:

Савицкая Е.В. Вербальный язык как средство формирования мысли // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.161-168. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Savitskaya.pdf>